

Н. В. ПЕРЦОВ, И. А. ПИЛЬЩИКОВ

«БЕССМЕРТНОЕ ПОНОШЕНИЕ»

(Об одном из последних бурлескных опытов Пушкина)

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошного врага;
Приятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!

Наша работа посвящена одному из самых сильных сатирических произведений в русской литературе — оде Пушкина «На выздоровление Лукулла». В трех разделах статьи мы рассмотрим следующие темы: житейский контекст и историю создания стихотворения; генезис и автореминисценции; язык и стиль. В приложении воспроизводится перепечатанный текст стихотворения (Пушкин 1835).

1. Житейский контекст и история создания. Четвертый, сентябрьский номер «Московского Наблюдателя» за 1835 г. (вышедший, как было свойственно этому журналу, с изрядным опозданием) достиг Петербурга в середине января 1836 г. В журнале было напечатано стихотворение Пушкина «На выздоровление Лукулла». На две-три недели эта публикация стала основной темой пересудов в светских салонах северной столицы. Общество мгновенно узнало адресата стихотворения — одного из самых богатых людей России графа Дмитрия Николаевича Шереметева — и догадалось, что в образе «наследника», жаждущего скорейшей кончины заболевшего богача, был выведен высокопоставленный сановник, министр просвещения, президент Императорской Академии наук Сергей Семенович Уваров.

1.1. История, давшая поэту повод к созданию этого шедевра, относится к осени предшествующего 1835 года, большую часть которой Пушкин провел в Михайловском. Полуторамесячное пребывание в деревне не принесло Пушкину авторского удовлетворения: «⟨...⟩ такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось» (Пушкин 1949, 16: 56)¹. Вернувшись в Петербург 23 октября, он окунулся в обычные житейские и литературные хлопоты: тяжело болела мать Надежда Осиповна;

тягостен был для Пушкина подписанный Уваровым ответ из Главного управления цензуры на августовское обращение поэта о форме представления рукописей в типографию [«⟨...⟩ рукописи, издаваемые с особого высочайшего разрешения, печатаются независимо от Цензуры министерства народного просвещения, но все прочие издания, назначаемые в печать, должны на основании высочайше утвержденного в 22 день ⟨апреля⟩ 1828 года Устава о цензуре быть представляемы в Цензурный комитет, которым рассматриваются и одобряются на общих Цензурных правилах» (Вацуро, Гиллельсон 1986: 205)]. Разумеется, Пушкин сразу же узнал о событиях вокруг наследства Шереметева, вести о болезни которого в его воронежском поместье вызвали многочисленные толки в петербургском свете. Из Петербурга в Воронеж был вызван личный врач Шереметева. По рассказу Ф. Ф. Вигеля, «в Петербург к его ⟨Шереметева⟩ многочисленной дворне стали приходиться известия о его болезни. Люди собирались в церквях, служили молебны о его здравьи. Наконец приехал фельдъегерь с известием, что жизнь его на волоске и что он вероятно уже умер» (Бартенев 1936: 534).

Граф не был женат, у него не было прямых наследников (ни детей, ни братьев, ни сестер); по закону претендовать на наследство Шереметева имели право его кузины Е. А. и В. А. Разумовские, из которых первая была замужем за С. С. Уваровым, вторая — за Н. Г. Репниным. Уваров проявил неуместную поспешность в мерах по охране возможного наследства — он приказал опечатать имущество в доме Шереметева на Фонтанке («Фонтанном доме»), причем, по свидетельству Вигеля, на опечатание явился лично (Бартенев 1936: 534). После известия о выздоровлении молодого богача печати пришлось снять, однако позора Уварову избежать не удалось: в обществе злобно повторяли уничтожающую реплику графа Ю. П. Литты, о которой П. А. Вяземский сообщил в письме к А. И. Тургеневу от 25 октября: «Здѣсь, было, пронесся лживый слухъ о смерти богача Шереметева, который въ Воронежѣ. Въ Комитетѣ министровъ кто-то сказалъ qu'il avait la fièvre scarlatine (= что у него скарлатинная лихорадка). „Et vous, vous avez la fièvre de l'attente“ (= А у вас лихорадка ожидания), сказалъ громогласнымъ голосомъ своимъ Литта, оборотившись къ Уварову, который одинъ изъ наслѣдниковъ Шереметева. Ужъ прямо какъ изъ пушки выпалило» [ОА: 277; в пересказе другого современника, язвительного Ф. Ф. Вигеля, bon mot звучит несколько иначе: «⟨...⟩ c'est la fièvre de l'impatience» = «⟨...⟩ это лихорадка нетерпения» (Бартенев 1936: 534)]. Литта обыграл обычное для французского язы-

ка переносное значение слова *fièvre*, которое в шестом издании «Словаря Французской академии», вышедшем в том же 1835 году, толкуется как «Une émotion forte (...) un trouble violent de l'âme» = «Сильная эмоция (...) бурное волнение души»; «Toute agitation (...) toute passion vive et désordonnée» = «Любое возбуждение (...) любая сильная и неуправляемая страсть» (DAF₆, I: 754). Указанное значение иллюстрируется таким примером (весьма примечательным в свете каламбура Литты): *L'attente de cette nouvelle me donne la fièvre* 'Ожидание этой новости вызывает у меня лихорадку' (DAF₆, I: 754; ср. DAF₄: 741). Выражение *la fièvre de l'attente* носило, вероятно, клишированный характер; оно встречается во французской литературе².

Пушкин высоко оценил остро́ту Литты: позднее, в середине января 1836 г., в черновике письма Бенкендорфу (по-видимому, так и не отправленного) поэт зачеркнет фразу, слишком явно выдававшую связь оды с историей шереметевского наследства: «J'avoue qu'une anecdote pareille avait été répandue et que j'ai recueilli une expression poétique échappée à ce sujet» = «Признаюсь, что подобный анекдот получил огласку и что я воспользовался поэтическим выражением, проскользнувшим на этот счет» (16: 78—79, 378; Пушкин 1969: 119)³.

В капитальной статье о «Лукулле» Н. Н. Петрунина (1974) обрисовала ход работы Пушкина над памфлетом. В первые недели ноября он набросал довольно сырой черновик, оставшийся на трех страницах рабочей тетради (см.: ПД, л. 42 об. — 43 об.); затем его творческое внимание переключилось на другое. Судя по тому, что уже через месяц (22 декабря) было подписано цензурное разрешение на номер «Московского Наблюдателя» с пушкинской одой, поэт в последнюю декаду ноября или в самом начале декабря превратил черновик в белой текст (беловой автограф не сохранился) и спешно отослал стихотворение в Москву. Н. Н. Петрунина (1974: 349) резонно спрашивает: «Что же побудило Пушкина вернуться к сатире и, более того, пойти на ее публикацию?» — и делает предположение: «Нужен был какой-то серьезный толчок, переполнивший чашу терпения Пушкина и заставивший его забыть всякую осторожность»⁴. Эту гипотезу косвенно подтверждают слова из чернового письма Жуковского Бенкендорфу от февраля — марта 1837 г. о том, что своей одой «Пушкинъ хотѣлъ отомстить» Уварову «за какое-то личное оскорбление» (Щеголев 1916: 126). Не исключено, что именно в эти дни Уваров сделал поэту выговор в связи с его эпиграммой на М. А. Дондукова-Корсакова «В Академии наук...», написанной несколькими месяцами ранее и содержащей

намек на гомосексуальные отношения последнего с Уваровым. По свидетельству М. Д. Деларю, Пушкин был взбешен этим выговором и, «возвратившись домой, написал известную оду „На выздоровление Лукулла“» (Деларю 1880: 219). Эту же версию излагал в дневниковой записи 1836 г. А. Я. Булгаков. После разговора с Уваровым об эпиграмме на Корсакова Пушкин «искал случая отомстить Уварову, и случай представился» (Булгаков 2000: 25). Дальше Булгаков (2000: 25—26) пересказывает историю о мнимой смерти Шереметева и алчности Уварова. Но может быть, как предполагает Н. Н. Петрунина, импульсом к окончательному оформлению стихотворения послужил «другой, неизвестный нам, бестактный поступок Уварова» (1974: 349)⁵.

Черновику «Лукулла» непосредственно предшествуют три строки незавершенного наброска:

Развратникъ радуясь клевететь
Соблазнъ по городу гремитъ
А онъ хохоча рукоплещеть —

(ПД, л. 43)

Инвективная тональность этих трех строк примечательна: если бы стихотворение создавалось годом позже, в ноябре 1836 г., можно было бы без колебаний согласиться с Н. Н. Петруниной (1974: 340—341), что адресатом этих строк является именно Уваров, и можно было бы уверенно относить слово *соблазнъ* к светским сплетням и пересудам по поводу полученного поэтом «диплома рогоносцев»...⁶ Глядя же из нашего времени в ноябрь 1835 года, мы можем лишь гадать и строить предположения (ср. Бонди 1974: 394—395). Если под клеветующим «развратником» подразумевался Уваров, а адресатом его клеветы был сам поэт, то в чем суть этой клеветы и «соблазна», распространявшегося по городу? В связи с этим исследователям творческого пути Пушкина стоило бы пристально всмотреться в петербургскую жизнь Министерства просвещения, Главного управления цензуры, III Отделения в последнюю декаду ноября 1835 г. Может быть, что-либо отыщется в частной переписке того времени.

Возможно, к истории создания «Лукулла» имеют какое-то отношение следующие факты. В конце октября 1835 г. умирает первый вице-президент Академии наук А. К. Шторх. Вскоре после этого М. А. Дондуков-Корсаков, объявленный при жизни Шторха вторым вице-президентом Академии (должность, специально изобретенная Уваровым для своего протеже), становится «безусловным», «полным» вице-президентом. Мало того, в декабре Дондуков-Корсаков, не имевший никаких научных заслуг, получает орден св. Станислава первой степени по представлению Уварова («по засвидѣтельствуванію Министра Народнаго Просвѣщенія

объ отлично-ревностной службѣ вашей и неусыпныхъ трудахъ при исполненіи возложенныхъ на васъ должностей»⁷⁾, что, по-видимому, вызывает недоумение и возмущение в научных кругах и злословие в светских. Слухи о представлении Дондукова-Корсакова к ордену могли циркулировать в светских гостиных еще до подписания 5 декабря Николаем I соответствующей грамоты, опубликованной в «Санктпетербургских Ведомостях» 12 декабря. Именно с получением этого ордена связывает (ошибочно) создание пушкинской эпиграммы на Дондукова-Корсакова А. Я. Булгаков в дневниковой заметке, написанной не позже апреля 1836 г., то есть не слишком отдаленной от интересующих нас событий: «По случаю пожалования Станиславской ленты попечителю учебного округа и вице-президенту Академии наук князю Дондукову, которого министр народного просвещения особенно покровительствует, известный наш поэт и сатирик Пушкин написал весьма язвительную эпиграмму, которая более касалась до министра нежели до вице-президента» (Булгаков 2000: 25; ср. Вацуро, Гиллельсон 1986: 206—207). Булгаков находился в Петербурге с начала ноября по конец декабря 1835 г.⁸

1.2. Появление в печати памфлета Пушкина произвело сильнейшее, можно сказать — ошеломляющее, впечатление на современников, на доброжелателей и недругов как поэта, так и министра просвещения. Последний оказался в сложном положении; для него лучше было бы проигнорировать «безымянную сатиру»⁹, однако слишком сильными были его потрясение и ярость, которые он не смог сдержать по ознакомлении с одой (это случилось около 15 января 1836 г.). В департаменте министерства Уваров при подчиненных громогласно спросил цензора П. И. Гаевского: «Вы, Павелъ Ивановичъ, вѣроятно читали, что этотъ негодяй и мерзавецъ написалъ на меня?» — после чего потребовал «къ сочиненіямъ этого негодяя назначить не одного, а двухъ, трехъ, четырехъ цензоровъ» (Терпигорев 1890: 336—337). Жалоба Бенкендорфу последовала незамедлительно. Досада и гнев Уварова усугублялись тем обстоятельством, что именно в эти дни, согласно высочайшей воле, ему пришлось — несомненно, со скрежетом зубным — давать предписание Петербургскому цензурному комитету исполнить все формальности относительно предполагаемого издания Пушкина «на подобие английских трехмесячных Reviews», то есть журнала «Современник», о чем Уваров уведомлял Бенкендорфа 16 января (16: 69; ср. ДТО: 172; Никитенко 1955: 180; Вацуро, Гиллельсон 1986: 266).

Росла тревога и за судьбу автора памфлета, и за судьбу «Московского Наблюдателя». 17 января А. А. Краевскій (возможно, единственный в Петербурге, кого Пушкин посвятил в тайну посылки оды в Москву) пишет М. П. Погодину: «А зачѣмъ *Наблюдатель* напечаталъ стихи на *Выздоровленіе Лукулла*? Нехорошо. Я порадовался было, когда Пушкин сказалъ мнѣ, что получилъ изъ Москвы извѣстіе объ отказѣ *Наблюдателя* принять его стихи; а потомъ черезъ недѣлю

получаю IV-ю книжку *Наблюдателя*, гдѣ стихи уже помѣщены. Помоему, это — большая неосторожность. На Пушкина смотрѣть нечего: онъ сорви-голова!» (Барсуков 1888: 271; ЛН 1934: 716)¹⁰. Этому отклику вторят сокрушенные слова из письма А. В. Веневитинова тому же адресату, датированного 21-м января: «Но какъ-же вы съ-проста напечатали *На выздоровленіе Лукулла! Эхъ! Эхъ!*» (Барсуков 1888: 271; ЛН 1934: 716).

18 января 1836 г. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Вчера была моя обыкновенная пятница. Пушкин написал род пасквиля на министра народного просвещения, на которого он очень сердит за то, что тот подвергнул его сочинения общей цензуре. Прежде его сочинения рассматривались в собственной канцелярии государя, который и сам иногда читал их». «Пасквиль Пушкина называется: „Выздоровление Лукулла“ <...> пьеса наделала много шуму в городе. Все узнают в ней, как нельзя лучше, Уварова»¹¹. Тема продолжена в записи от 20 января: «Весь город занят „Выздоровлением Лукулла“. Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом. В самом деле, Пушкин этим стихотворением не много выиграл в общественном мнении, которым, при всей своей гордости, однако, очень дорожит. Государь через Бенкендорфа приказал сделать ему строгий выговор» (Никитенко 1955: 179, 180; ср. Лернер 1915: 481; Пушкин 1969: 287—288).

Не только в обеих столицах шли толки о «Лукулле». 22 января А. М. Языков пишет из Симбирска В. Д. Комовскому (служившему в канцелярии Уварова): «Здѣсь толкують о стихахъ Пушкина, напечатанныхъ въ „Наблюдатель“, и видятъ тутъ намеки на Уварова; стихи плохи <...> Уваровъ все-таки лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ; онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ много хорошаго и совсѣмъ не заслуживаетъ, чтобы въ него бросали изъ-за угла грязью. Впрочемъ это нашъ либерализмъ, наша свобода тисненія!» (Садовников 1883: 540).

У современников пушкинский памфлет вызывал не только тревогу и недоброжелательство. Недруги Уварова приветствовали оду с восторгом. 9 и 10 января 1836 г. Погодин записывает в дневнике: «Сам<аринъ> ввечеру и рассказ<аль> о стихахъ на Увар<ова>»; «Съ Куб<аревымъ> <...> объ Увар<овѣ> казенномъ»¹². В те же «горячие» дни середины января Уваров получает издательское «посвятельное» письмо от жестоко обиженного на него Альфонса Жобара, бывшего профессора Казанского университета; это письмо, посланное из Москвы и датированное 13-м января, сопровождалось переводом стихотворения Пушкина на французский язык, с предупреждением о намерении переслать

его в Европу и там опубликовать с надлежащими комментариями (Никольский 1880; Пушкин 1969: 298, 403—412; о соотношении перевода с пушкинским оригиналом см. ниже, в разделах 2.1 и 3). Спустя два месяца Жобар, распространявший и перевод, и письмо Уварову, известил обо всём Пушкина. Впрочем, поэт о письме Жобара и его переводе узнал еще раньше — от Дениса Давыдова, пославшего ему 8 февраля жобаровский перевод и прокомментировавшего последний так: «Перевод довольно плох, но есть смешные места, чтож касается до письма ⟨Жобара Уварову. — Н. П., И. П.⟩, я, читая его, хохотал как дурак. Злая bestия этот Жобар и ловко доклевал Журавля подбитого Соколом» (16: 83). Следует отметить, что в 20-х числах января Давыдов был в Петербурге и общался с Пушкиным; тема «Лукулла» в этом общении, несомненно, возникала. Дальним отзвуком его звучит вопрос Давыдова в письме Пушкину от 6 апреля: «Нет ли прижимки журналу твоему от наследника Лукула? Я знаю, что *Наблюдатель* охает; было замечание Строгонову на счет какой-то статьи Погодина» (16: 102). Как выясняется из записи в погодинском дневнике (25 февраля 1836 г.), речь идет о недовольстве министра, вызванном публикацией отрывков из драмы «Петр I»: «Съ лекц(и) къ Стрoг(о)ну. — Стрoжaиш(и) выговоръ Цензoру oтъ Увар(о)вa за Петра. — Я oбъяснилъ что ни онъ ни я виноваты. — Какoвъ Уварoвъ за Лукулла. — Неутерпѣлъ чтобъ непофхать и не посмѣяться съ Акс(а)ковымъ»¹³.

Среди друзей Пушкина единодушия в оценке «Лукулла» не было. В черновике письма Жуковского Бенкендорфу от февраля — марта 1837 г. мы читаем, что за публикацию Пушкиным «На выздоровление Лукулла» «всѣ друзья его жестоко ему упрекали» (Цеголев 1916: 125). Вышеприведенные цитаты этому противоречат; к ним можно добавить еще слова А. И. Тургенева из письма Вяземскому от 9/21 марта: «Спасибо переводчику с латинского. (Жаль, что не с греческого!)¹⁴. Биографическая строфа будет служить эпитафией всей жизни арзамасца-отступника. Другого бы забыли, но Пушкин заклеил его бессмертным поношением. — Поделом вору и вечная мука!» (ЛН 1952: 120; Петрунина 1974: 356). Через полтора месяца Тургенев возвращается к теме «Лукулла» в письме к тому же адресату: «В стихах „На выздоровление Лукулла“ гораздо больше политики, чем в моих невинных донесениях о Фиэски ⟨...⟩» (ЛН 1952: 123).

После того как Уваров пожаловался Бенкендорфу, поэту пришлось объясняться с последним¹⁵, а потом выслушивать пересуды об оде в светских гостиных, где к ней отнеслись в основном недоброжелатель-

но¹⁶; не говорим уже о всевозможных цензурных затруднениях, чинимых Пушкину в последний год жизни председателем Главного управления цензуры Дондуковым-Корсаковым при поддержке его начальника Уварова. Легко можно представить себе, как всё это изводило и раздражало поэта. Вскоре после напечатания сатиры Пушкин в частной переписке выражал сожаление по этому поводу (в письмах Н. Г. Репнину от 11 февраля и А. Жобару от 24 марта). С пушкинским памфлетом связан один из дуэльных инцидентов февраля 1836 г. — переписка поэта с князем Н. Г. Репниным, который, будучи женат на двоюродной сестре Шереметева, мог претендовать на его наследство с неменьшими основаниями, чем Уваров. 5 февраля поэт направил Репнину письмо, в котором просил объяснения в связи со слухами о том, что князь неблагоприятно отзывался о Пушкине. Уважительный ответ Репнина удовлетворил Пушкина, который в следующем своем письме, исчерпывающем инцидент, откликнулся на упрек Репнина по поводу «Лукулла»: «(...) мнение Вашего сиятельства косательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады» (16: 84—85). Отвечая 24 марта Жобару, поэт просил его отказаться от намерения опубликовать перевод оды: «Je suis fâché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrite dans un moment de mauvaise humeur (...) Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production qui sans cela tombera dans l'oubli qu'elle mérite» = «Мне самому досадно, что я напечатал пьесу, написанную в минуту дурного расположения духа (...) Будьте настолько добры пожертвовать удовольствием гласности ради мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте с помощью вашего таланта произведения, которое без этого упадет в заслуженное им забвение» (16: 94—95, 384). Наконец, по прошествии нескольких месяцев после опубликования «Лукулла», Пушкин в конце августа с горечью и досадой вспоминал о своем опрометчивом решении. Александр Карамзин передавал брату в Париж рассказ Н. А. Муханова о Пушкине, «которого он нашел ужасно упавшим духом, раскаивавшимся, что написал свой мстительный пасквиль, вздыхающим по потерянной фавории публики» (ПВПК: 96).

В последние пять месяцев жизни Пушкина другие, более тяжелые и горестные обстоятельства вытеснили «Лукулла» из памяти поэта и его современников. После смерти Пушкина, в феврале — марте 1837 г., о памфлете вспомнили Жуковский и Погодин — первый в процитированном выше черновом письме Бенкендорфу, а второй в дневниковой

записи от 2 марта 1837 г.: «Пушкина боялись всѣ, и ждали стиховъ въ родѣ Уварову» (Погодин 1916, VI: 122; ср. Барсуков 1888: 437). Ни в посмертное собрание сочинений, ни в издание П. В. Анненкова «Лукулл» не попал. Следующий раз он был напечатан лишь Герценом в «Полярной Звезде на 1856 год» (это случилось уже после смерти Уварова), а в России — еще через два года А. Н. Афанасьевым в «Библиографических записках».

2. Литературный генезис. Автореминисценции. Конкретные мотивы сатирической оды Пушкина восходят к произведениям Державина и Горация, но по силе сарказма она напоминает не столько гораццианскую сатиру, сколько Ювеналову (ср. Якубович 1941: 124; Степанов 1978: 89). Однако в научной литературе нет сведений о параллелях между пушкинским памфлетом и сатирами Ювенала, и, по-видимому, не случайно: интерес к Ювеналу у Пушкина никогда не был глубоким, и вклад этого римского классика в пушкинское творчество не столь значителен, как гораццианский (Кнабе 2004; Пильщиков 2004). Строфу *aBaBcDDc Я44444443* Пушкин заимствовал из державинского стихотворения «Ко второму соседу» (1791, 1798), а название — из оды Державина «На выздоровление Мецената» (1781) (см. Пумпянский 1939: 119; Томашевский 1958: 91). Н. Н. Петрунина (1974: 348, ср. 342—343, 350) напомнила о связи державинской оды с названием, которое традиция присвоила 20-й оде Горация из I книги, — «Меценату после его выздоровления» (об этом речь пойдет далее, в разделе 2.2).

2.1. Г. А. Гуковский считал, что «пушкинская ода — это искуснейший сплав чисто державинских, характерно державинских элементов, обнаруживающий и подчеркнутую нарочитость приема и превосходное знание державинских текстов, глубокое и тонкое понимание их» (1957: 118). Ориентация на Державина сказывается уже в черновом наброске:

[Кругомъ тебя ходила смерть
И Эскулапу
Ужь мнила на тебя простерть
Костливую лапу —
Косою блещущую руку]

(ПД, л. 43)¹⁷

«Архаичная» форма на *-стерть* (с рефлексом слогового плавного) встречается у Пушкина единожды — в этом черновике. Уникальная в корпусе пушкинских текстов рифма *смерть : простерть*, ориентированная на поэтику XVIII в.¹⁸, вызывает в памяти, в том числе, вторую строфу из оды Державина «На смерть князя Мещерского» (1779):

Мы не можем согласиться с Н. Н. Петруниной (1974: 342), что эти строки «ложатся на бумагу как бы набело, сразу в окончательном виде»: в черновике еще не сделан выбор в пользу зачеркнутого оборота *между тѣмъ*, над которым надписано *а за д(верь)ми*; строка *Знобимъ Стяжанья лихорадкой* не сразу находит свое место в строфе, да и третий стих строфы (*Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой*) тоже дался поэту не сразу. Каламбур Литты и в черновике, и в окончательном тексте стихотворения модифицирован: вместо генитивного атрибута со значением ожидания (*de l'attente*) мы видим другое слово — *стяжанья*. Это же слово мы находим у Державина в «Меццеском»: *Богатств стяжанье минет*.

Помимо оды «На смерть князя Меццеского», пушкинская сатира обнаруживает параллели еще с двумя знаменитыми одами Державина — «На выздоровление Мецената» (1781) и «Вельможа» (1794), [последнюю в связи с «Лукуллом» упоминает сам Пушкин в черновике объяснительного письма к Бенкендорфу (16: 79)]. Строфы, которыми написаны эти оды (восьмистишия 4-стопного ямба с рифмовкой *aBaBcDDc*), близки к строфе «Лукулла», последняя строка которой на одну стопу короче. Укороченность этой последней строки придает сатире Пушкина дополнительный «латинский» колорит, соотносясь с укороченными концовками гораццианских строф, особенно со второй асклепиадовой строфой, которая представлена у Горация в 9 одах, и с сапфической строфой, которая представлена в 25 одах и Юбилейном гимне (см. Гораций 1970: 424—430).

В державинских одах и в пушкинском памфлете изображаются роскошные чертоги знатного богача: уже покойного, как в оде «На смерть князя Меццеского»; благоденствующего *в сладкой неге*, как в оде «Вельможа»; сначала умирающего, а затем «воскресающего», как в оде «На выздоровление Лукулла». В «Меццеском» покойного обступают скорбящие близкие, в других одах богач также окружен людьми — просителями и «челядью» в «Вельможе»; «печальными друзьями», «угрюмыми врачами» и «рабами» в «Лукулле»²⁰. Пушкинский образ смерти-«заимодавца», что торчит в передней, перекликается с «полком заимодавцев» («Вельможа») ²¹, а осмелевший *прикащикъ* в 5-й строфе «Лукулла» может быть соотнесен с державинским *вратником*:

А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,
Займодавец полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.

Строки *Здоровье — дар небес бесценный* (из оды «На выздоровление Мецената») и *Жизнь есть небес мгновенный дар* (из последней строфы «Мещерского») находят разительную лексическую и образную параллель в последней строфе «Лукулла»: *Такъ жизнь тебѣ возвращена <...> Смотри: безцѣнный даръ она* (Виноградов 1941: 511 примеч. 1; Гуковский 1957: 118—119). Серия грамматических императивов в финале «Лукулла» напоминает повелительное наклонение в финале оды «На смерть князя Мещерского» (Гуковский 1957: 118):

Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

Но к Державину восходят не только «высокие» элементы пушкинской оды; коллоквиализм *трынѣ-трава*, видимо, тоже державинского происхождения (Гуковский 1957: 118):

<...> Коль есть в глазах вино и пиво,
Всѣ, братцы, в свете трын-трава.
(«Крестьянский праздник», 1807)

2.2. Как это нередко бывает в поэзии пушкинской эпохи, державинские мотивы переплетаются в «Лукулле» с гораццианскими. Не случайно профессор античной словесности Жобар озаглавил свой перевод так: «ODE. Sur la guérison de Luculle, imité d'Horace par A. P.» (Никольский 1880: 559; разрядка наша. — *Н. П., И. П.*). О «латинизме» пушкинского памфлета и о его соотнесенности с сатирами Горация писали многие, однако прямые указания на возможные латинские источники мы находим лишь в монографии В. Буша «Гораций в России» (Busch 1964: 157). Образ алчного наследника в третьей строфе «Лукулла» немецкий исследователь сопоставляет с аналогичными образами в финале знаменитой оды Горация к Постуму: *Adsumet heres Caecuba dignior // Servata centum clavibus et mero // Tinguet pavimentum superbo, // Pontificum potiore cenis = Возьмет наследник вина, хранимые // За ста замками, на пол расплещет он // Цекубских гроздий сок, какого // Даже понтифики не пивали* (Hor. Carm. II, 14, 25—28; перевод Э. Морозкиной); ср. в 3-й оде II книги: *Cedes coemptis saltibus et domo // Villaque, flavus quam Tiberas lavit, // Cedes, et extractis in altum // Divitis potietur heres = Ведь ты оставишь эти угодия, // Что Тибр волнами моет янтарными, // И дом с поместьем, — и богатством // Всем завладеет твоим наследник* (Carm. II, 3, 17—20; перевод А. Семенова-Тян-Шанского). Сюда же нужно добавить

строки о жадности наследника из 7-й оды IV книги: *Suncta manus avidas fugient heredis, amico // Quae dederis amico = Пусть же минует все то рук наследника жадных, чем можешь // Жизнь ты свою усладить!* (Сарм. IV, 7, 19—20; перевод А. Семенова-Тян-Шанского); ср. в переводе Капниста: <...> *Что дашь себе, то вырвешь ныне // Из рук наследников скупых* («Суетность жизни», 1806).

Стихи: *Умъй-же пользоваться ею* (жизнью), // *Украсть ее; года летятъ* <...> — Буш также возводит к Горацию. Во-первых, это знаменитая ода к Левконое: <...> *fugerit invida // Aetas: carpe diem, quam minimum credula postero* = <...> *годы-завистники // Мчатся. Пользуясь днем, меньше всего веря грядущему* (Сарм. I, 11, 7—8; перевод С. Шервинского); во-вторых, 9-я ода из I книги: *Quid sit futurum cras, fuge querere, et // Quiet fors dierum cumque dabit, lucro // Adpone* <...> = *О том, что ждет нас, брось размышления, // Прими, как прибыль, день, нам дарованный // Судьбой* <...> (Сарм. I, 9, 14—15; перевод А. Семенова-Тян-Шанского). Добавим, что полустигии *года летятъ* соотносится также с началом оды к Постуму (Нор. Сарм. II, 14), которое цитируется Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»: *Heu! fugaces, Posthume, Posthume, // Labuntur anni...* (8: 466; перевод: *Увы, быстротечные, о Постум, Постум, // Скользят годы...*). См. еще Нор. Сарм. III, 8, 27; Epist. II, 2, 55 (*anni* <...> *euntes*); Ars. poet. 175 (*anni* <...> *venientes*).

Круг вероятных латинских источников стихотворения Пушкина может быть расширен. Прежде всего, следует упомянуть 1-ю сатиру Горация из I книги («Что за причина тому, Мекенат...»), в которой, как и в «Лукулле», осмеиваются скупость и алчность. Помимо этого, можно отметить поэтический латинизм *злата горы* (который встречается также у Державина²²); мы находим его в Нор. Serm. I, 1, 41—42: *Quid juvat immensum te argenti pondus et auri // Furtim defossa timidum deponere terra?* = *Что же в том пользы тебе, что украдкой от всех зарываешь // В землю ты кучи сребра, или злата тяжелые груды?..* (перевод М. Дмитриева; буквально: «Почему же тебе, робкому, нравится тайно зарывать в землю огромный груз серебра и золота?»).

В этой сатире можно усмотреть и другие параллели с одой Пушкина (которые, впрочем, иному читателю могут показаться отдаленными): <...> *at mihi plaudo // Ipse domi, simul ac nummos contemlor in arca* = <...> *я в ладоши // Хлопаю дома себе, на сундук свой любуюсь* (Нор. Serm. I, 1, 66—67; перевод М. Дмитриева) ~ *Твои друзья, // Въ ладони хлопая, ликуютъ* <...>; *At si condoluit tentatum frigore corpus* <...> = *Если когда лихорадки озноб ты почувствуешь в теле* <...> (Serm. I, 1, 80; перевод М. Дмитриева; буквально: «А если будет страдать

тело, сотрясаемое ознобом') ~ *Энобимъ стяжанья лихорадкой*. Последняя из процитированных строк Горация входит в следующий фрагмент: *At si condoluit tentatum frigore corpus, // Aut alius lecto casus te affixit, habes qui // Assideat, fomenta parat, medicum roget ut te // Suscitet, ac natis reddat, carisque propinquis? // Non uxor saluum te vult, non filius* = Если когда лихорадки озноб ты почувствуешь в теле // Или другая болезнь к постели тебя приневолит, // Будет ли кто за тобою ходить и готовить припарки // Или врача умолять, чтобы спас от болезни и снова // Детям, родным возвратил? Ни супруга, ни сын не желают! (перевод М. Дмитриева). В стихотворении Пушкина речь тоже идет о болезни адресата, упоминаются врачи, алчный наследник не желает выздоровления умирающему, подобно родным из Первой сатиры Горация (*Non uxor saluum te vult, non filius*; буквально: 'Ни супруга не хочет (видеть) тебя здоровым, ни сын').

Мотив золотого изобилия мы встречаем также во 2-м послании Горация из I книги: *Non domus et fundus, non aeris acervus et auri // Aegroto domini deduxit corpore febris* (...) = *Ибо ни дом, ни земля, ни меди иль золота груды // Прочь лихорадку отвесь от больного владельца не могут* (...) (Ног. Epist. I, 2, 47—48; перевод Н. Гинцбурга)²³, — а также у Ювенала: (...) *possideat, quantum rapuit Nero, montibus aurum* (...) = *Пусть он богат, как Нерон с грабежей, пусть золота горы (имеет)* (Juv. XII, 129; перевод Ф. Петровского). Впрочем, выражение *горы золота* встречается у Пушкина и вне латинизированного контекста («Монах», 1813; «Сказка о золотом пещернике», 1834).

Рукоплекскания при выздоровлении Лукулла (*Твои друзья, // Вь ладони хлопая, ликуютъ* (...)) живо напоминают рукоплекскания римлян при выздоровлении Мецената (Ног. Carm. I, 20, 1—8):

Vile potabis modicis Sabinum
 Cantharis, Graeca quod ego ipse testa
 Conditum levi, datus in theatro
 Cum tibi p l a u s u s,
 Care Maecenas eques, ut paterni
 Fulminis ripae simul et iocosa
 Redderet laudes tibi Vaticani
 Montis imago

[= *Будешь у меня ты вино простое // Пить из скромных чаш. Но его недаром // Я своей рукой засмолил в кувшине // В день незабвенный, // В день, когда народ пред тобой в театре // Встал, о Меценат, и над отчим Тибром // С ватиканских круч разносило эхо // Рукоплексканья* (перевод А. Семенова-Тян-Шанского)]. Ср. еще Ног. Carm. II, 17, 22—26, где описано, как неожиданное вмешательство Юпитера спасло Мецената от смерти: (...) *porculus frequens // Laetum theatri ter crepuit sonum* = (...) *народ многочисленный // В театре*

трижды рукоплескал тебе (перевод Г. Церетели). Столь же стремительно выздоравливает меценат Шувалов в оде Державина:

Но вдруг средь облака златого,
 На крыльях утренней зари <...>
 Здоровье — дар небес бесценный —
 Слетело в твой чертог <...>

Еще один античный поэт, чье имя должно быть упомянуто в связи с пушкинской одой, — это Катулл. В своей «Заметке о Пушкине» («Notice sur Pouschkin», 1837) свидетель тогдашних событий вюртембергский посланник в Петербурге князь Христиан Гогенлоэ-Кирхберг пишет, что пушкинская «сатира на Уварова» усыпила бдительность цензуры благодаря подзаголовку «подражание Катуллу» [«<...> une satire sur Ouvaroff — pièce qui sou le titre d'imitation de Catulle, endormit la prudence habituelle de la Censure et trouva place dans un journal littéraire <...>» (Щеголев 1916: 227)]. Фактическая неточность оправдывается тем, что общий тон и отдельные мотивы оды могли напомнить посланнику катуллианские инвективы; ср. хотя бы такую параллель: *O furum optime balneariorum <...> = Ты, общественных бань воруа знатный <...>* (Cat. XXXIII, 1; перевод С. Шервинского) ~ <...> *И воровать уже забуду // Казенныя дрова.*

2.3. Ода пронизана автореминисценциями и переключками с другими произведениями Пушкина. Особенно насыщена в этом отношении характеристика «наследника»: *Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,* — в связи с которой можно вспомнить целый ряд пушкинских произведений (ср. Лобанова 1995: 115; а также Петрунина 1974: 343 примеч. 60). Сюда относятся стихотворение «Ворон к ворону летит...» (1828), фраза из «Гробовщика» (1830)²⁴, калмыцкая сказка об орле и вороне, рассказанная Пугачевым в «Капитанской дочке» (1836)²⁵, и, наконец, отрывок «Альфонс садится на коня...» (1836)²⁶.

Злата горы и подвалы, в которых есть излишекъ, находят параллели в монологе Барона из второй сцены «Скупого рыцаря», озаглавленной «Подвал»: <...> *так я // Весь день минуты ждал, когда сойду // В подвал мой тайный, к верным сундукам* (7: 110; ср. далее еще два употребления слова *подвал*)²⁷. Наследника в «Лукулле» охватывает *лихорадка стяжанья*, а Барон в «Скупом рыцаре» признается: *Я каждый раз, когда хочу сундук // Мой отпереть, впадаю в жар и трепет.* С тем же монологом Барона оду «На выздоровление Лукулла» сближает мотив жадного наследника и нетривиальное употребление слова *заимодавец*: в «Лукулле» *заимодавцем* выступает смерть, а в «Ску-

пом рыцаре» — совесть, *Заимодавец грубый, эта ведьма, // От коей меркнет месяц и могилы // Смущаются и мертвых высылают* (7: 113)²⁸. Гробовщик — герой одноименной повести — присутствует в пятой строфе сатиры: *⟨...⟩ Гробовый мастеръ взоры клонитъ ⟨...⟩* (и в повести, и в сатире надеждам гробовщика не суждено сбыться)²⁹.

«Бледность» наследника в третьей строфе можно сопоставить со строками из незавершенного наброска «О муза пламенной сатиры!..» (1824), который, по свидетельству Соболевского (1927: 43—45), Пушкин задумывал как «предисловие» к книге своих эпиграмм: *О, сколько лиц бесстыдно-бледных, // О, сколько лбов широко-медных // Готовы от меня принять // Неизгладимую печать!* (2, кн. 1: 458; небезынтересно, что в этом же наброске упоминается «Ювеналов бич»).

Рифма *клонит* : *гонит* уже была употреблена в другой псевдодантинской сатире Пушкина — в юношеском стихотворении «К Лицинию» (1815): *Смотри, как все пред ним усердно спину клонят, // Как ликторов полки народ несчастный гонят!* (1: 111)³⁰; она сохранена в редакциях 1818—1819 и 1825 гг. (2, кн. 1: 11, 509; те же слова рифмуются в «Цыганах» и в «Евгении Онегине»). Эпитет *тайные* применительно к *судьбам* появляется у Пушкина с конца 1810-х годов: оборот *тайными судьбами* мы находим в черновом наброске «Нет, нет, напрасны ваши пени...» (1819)³¹. Думается, можно констатировать поверхностную аналогию между началом «Евгения Онегина» и «Лукуллом»: и в том и в другом случае персонаж ожидает наследства умирающего родственника не по прямой линии и желает его скорейшей смерти.

Как видим, ода «На выздоровление Лукулла» глубоко укоренена в пушкинском творчестве. Вместе с тем, она пополняет словарь языка Пушкина шестью лексемами: *втереться, нахлѣбникъ, мертвечина, знобить, загрестъ, излишекъ* (две из них — *втереться* и *мертвечина* — вскоре будут повторены в «Капитанской дочке»).

3. Язык и стиль. Поэзия грамматики. Стихотворение являет собой один из последних опытов Пушкина в стиле бурлеск (ср. Шапир 1999; 2000: 241—251; 2002). Оно характеризуется жанровой двойственностью, связанной с ориентацией на разные жанровые традиции: «высокую», одическую, с одной стороны, и «среднюю», сатирическую, с другой (при этом надо иметь в виду, что в русской культуре сатира тяготела даже не к «средним», а к «низким» жанрам: уже Кантемир писал свои сатиры сочным, народным, подчас даже «мужицким» языком). В этом отношении предшественником Пушкина тоже оказался

Державин, первым в своей «Фелице» (1782) скрестивший похвальную оду с сатирой.

В сатирической оде «На выздоровление Лукулла» контрастируют два стилевых «плана»: «латинский» и «российский», литературный и бытовой; эти планы перемежаются, сталкиваются, неожиданно сменяют друг друга (Виноградов 1941: 510—512; Томашевский 1956: 178—179, 181; Петрунина 1974: 350). Так, название, подзаголовок и начальный катрен создают латинский ореол, одновременно метя в античные интересы Уварова. Этот ореол снимается во втором четверостишии первой строфы, сниженно представляющей смерть как «втершегося» в переднюю заимодавца. Высокой лексике и высоким реалиям первой части строфы — *младой, являлась, хрустальныхъ* — во второй части противопоставляются низкие понятия и выражения: *втершійся; торча, не трогалась съ ковра* (последнее применимо скорее к собаке).

Такая игра с лексикой и реалиями продолжается и в дальнейшем: на бурлескном «столкновении слов разного стиля» построено всё стихотворение (Томашевский 1956: 179). Вторая строфа выдержана целиком в латинском ключе (*нахлѣбники*³², *цирцеи, рабы, молящие боговъ* и гадающие, *что сулили // Имъ тайныя судьбы*). Третья строфа начинается с фольклорного по своему происхождению сравнения (*Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой*), о котором мы уже говорили (см. раздел 2.3). В ней господствуют бытовые отечественные реалии: бледность и дрожь наследника; замки конторы, пыльные бумаги (последние две прозаические детали разделены «высокой» строкой с тремя «поэтизмами»: *мнить, загрестъ, злато*). Крупным (чисто гораццианским) планом подан сургуч, действие которого передается высоко окрашенным глаголом *пятнать* 'ставить клеймо, печать'. [Это значение отмечено в обоих изданиях «Словаря Академии Российской» (САР₁, ч. IV: стб. 1267; САР₂, стб. 768; ср. СЛРЯ XI—XVII: 98), но не указано в «Словаре языка Пушкина»³³.] Пушкинский черновик движется от стилистически нейтрального варианта ко всё более «высокому»: [*Окуривалъ*] *твою контору* > [*печаталъ*] [*сундукъ*] > [*Клеймилъ*] *замки* > *Пятналъ замки* (ПД, л. 43) > *Пятналъ замки твоей конторы*³⁴. При этом в новых вариантах у глагола «мерцает» вторичное (переносное) значение 'позорить'³⁵.

Стопобойность 5-й и 6-й строк третьей строфы (*Уже скупой его сургучъ // Пятналъ замки твоей конторы* (...)) воспринимается как ритмический курсив, подчеркивающий патетическую напряженность. Словосочетание *скупой сургучъ* представляет любопытный пример ле-

ксической неоднозначности поэтического текста (ср. Перцов 2000: 56; Шапир 2000: 13—14): оно может быть понято как метонимия и как метафора. В первом случае фиксируется эналага: на предмет переходит характеристика его владельца (*скупой его* <наследника> *сургучь* — это 'сургуч скупого наследника'). При метафорической интерпретации прилагательное *скупой* характеризует сам сургуч: он охраняет контору и тем подобен скупцу; это обычное для пушкинской эпохи метафорическое определение французского типа (ср. *ревнивые* <jaalous> *одежды*, *завистливый* <jaalous, envieux> *покров* и т. п.). Некоторые, в том числе один из авторов настоящей статьи, усматривают здесь еще одно значение прилагательного *скупой* — 'расходуемый скупое, в малом количестве'. Не настаивая на обязательности этой интерпретации, можно видеть в таком словоупотреблении гиперболу скупости наследника, экономящего даже на сургуче, накладываемом на вожденное имущество. Похожий пример неоднозначности прилагательного *скупой* мы находим в «Подражаниях Корану»: <...> *Вручая нищему скупое подаянье, // Сжимаешь ты свою завистливую длань* <...> (2, кн. 1: 356). «Словарь языка Пушкина» в обоих случаях интерпретирует прилагательное *скупой* однозначно: в «Подражаниях Корану» лексикографы отмечают значение 'скудный, недостаточный', а в «Лукулле» — значение 'чрезмерно бережливый' (СП, IV: 158—159; последнюю дефиницию сопровождает неопределенное указание на переносный смысл словоупотребления).

Сатирическая мощь третьей строфы поддерживается лексико-синтаксической изысканностью в характеристике наследника (*Знобимъ стяжанья лихорадкой*). Глагол *знобить* в пушкинскую эпоху употреблялся по преимуществу безлично (как и в наше время); в материале XIX в. нам неизвестны примеры его безличного употребления³⁶, а у Пушкина это вообще единственный случай использования данного слова³⁷. Тем рельефнее выглядит редчайшая грамматическая форма страдательного причастия *знобимъ*, сопровождаемая при этом агенсом в творительном падеже, с инверсией существительного в генитиве (то есть отклонение от узуса наблюдается по трем признакам: это нарушение безличности, выбор редкой формы и синтаксическая инверсия). Строка, ярко окрашенная в отношении морфологии, синтаксиса и лексики, воскрешает в памяти читателя «поэтическое выражение» графа Литты, брошенное им в лицо Уварову — «у вас лихорадка ожидания» (Виноградов 1941: 511 примеч. 2; Петрунина 1974: 338—339, 342).

Пушкинский вариант каламбура Литты можно соотносить с фактом французской лексики: для глагола *зnobить* в словаре Рейфа 1835 г., хорошо знакомом Пушкину, даны следующие эквиваленты: «Зноб́ить (...) *exposer au froid, morfondre, faire geler*» (Рейф 1835: 337). В этом ряду обращает на себя внимание глагол *morfondre*. В отличие от *exposer au froid* 'подвергать воздействию холода' и *faire geler* 'морозить', *morfondre* — помимо основного значения «*Refroidir, causer un froid qui incommodé, qui pénètre*» = «Охлаждать, вызывать неприятное, пронизывающее ощущение холода» (DAF₆, II: 231) — имеет в рефлексивной форме переносное значение 'томиться, изводиться, маяться в ожидании кого-л. или чего-л.'; ср.: «*Perdre bien du temps à la poursuite d'une affaire, d'une entreprise qui ne réussit pas, dans l'attente d'une réponse qui n'arrive pas, d'un succès qu'on n'obtient point*» = «Тратить много времени на осуществление дела, предприятия, которое не удастся, на ожидание человека, который не приходит, успеха, который не достигается» (DAF₆, II: 231)³⁸. Пример, приведенный в «Словаре Французской академии»: *Je me suis morfondu à vous attendre* 'Я извелся, ожидая вас', — мог бы стать выразительным описанием состояния алчного наследника в пушкинской сатире.

Внутренний монолог наследника в четвертой строфе (которую А. И. Тургенев, как мы помним, назвал «биографической») выдержан в российской тональности: *нянчить ребятишекъ; тожь; Теперь мнѣ честность — трынъ-трава!; И воровать уже забуду // Казенныя дрова!*³⁹ Лексико-синтаксический состав последних строк отличается изощренностью: глагол *забыть/забывать* в значении 'прекратить/прекращать делать что-нибудь' в пушкинское время употреблялся редко и был поэтически окрашен⁴⁰; у Пушкина *забыть* в этом значении с объектом-инфинитивом встречается, кроме «Лукулла», только в «Скупом рыцаре»: *А золото спокойно в сундуках // Лежит себе. Молчи! когда-нибудь // Оно послужит мне, лежать забудет* (7: 106; СП, II: 21)]. На «презренную прозу» мечтаний наследника саркастически накладывается утонченный книжный синтаксис конца строфы.

Стих *Теперь мнѣ честность — трынъ-трава!* весьма оригинален с семантико-синтаксической точки зрения. В языке пушкинской поры, так же как в современном, когда *трын-трава* употребляется в функции предиката ('ничем, не имеет значения, безразлично'), подлежащее обычно бывает выражено местоимениями *всё* или *это*, либо сочетаниями *всё это* или *все...* (иных примеров мы не нашли). Полнозначное слово в позиции подлежащего нарушает автоматизм восприятия клишированной языковой конструкции — тем более, что безразличие к честности не вполне согласуется с последующими словами наследника, дающего себе зарок уклоняться впредь от некоторых ранее свойственных ему бесчестных поступков. По-видимому, эта строка требует нестандартного осмысления ('Теперь честность ничего мне не стоит' = 'Теперь мне легко быть честным'); именно так истолковывается дан-

ный пример в «Словаре языка Пушкина»: «о том, что легко, свободно даётся кому-н.» (СП, т. IV: 582). Примечательно, что Жобар, заменивший 'честность' на 'честь' (может быть, слово *honnêteté* трудно было вставить в стих), понял предложение с *трын-травой* буквально и, чтобы устранить возникшее из-за этого противоречие, ввел в следующий стих союз *pourtant* 'однако, тем не менее': <...> *Et n'ai plus maintenant que faire de l'honneur: // Pourtant je cesserai d'escroquer ta roulotte // Et ne volerai plus le bois de la couronne* = <...> *И теперь мне больше нечего делать с честью; // Тем не менее я перестану выманывать деньги у своей милой // И не буду больше воровать царские дрова* (Никольский 1880: 560; ср. Гордин 1989: 278—279).

В начале пятой строфы «воскресение» адресата оды подано молниеносно тремя словоформами — в противоположность пространному описанию его умирания в первой и второй строфах. Первый катрен пятой строфы построен как антитезис к строфе второй:

[2]	[5]
<...> Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей Смуценьемъ лица омрачались; Вдыхали вѣрные рабы <...> въ страхѣ <...>	Твои друзья, Въ ладони хлопая, ликуютъ; Рабы, какъ добрая семья, Другъ друга въ радости цѣлуютъ <...>

Дальнейшее действие напоминает реакцию на спектакль: друзья аплодируют, рабы целуются. Вполне серьезно воспринимают выздоровление богача врач, гробовщик и наследник: первый облегченно «бодрится», второй и третий опечалены. В первых шести строках господствует латинский стиль, перебиваемый русизмом — поднятыми очками врача, которые (с ассонансами *и — а — а — и*: *Бодрится врачъ, поднявъ очки*) контрастируют с опущенными взорами гробовщика (с ассонансами *о — а — о — о*: *Гробовый мастеръ взоры клонитъ*). Латинский фон строфы резко нарушается в ее концовке просторечным *въ толчки*. Завершающее восьмистишие, как и первый катрен оды, целиком латинизировано, выдержано в горацианском стиле: наследник, друзья, рабы, врачи, приказчик забыты; строфа устремлена в будущее адресата, доминирует грамматический императив.

Заслуживает внимания временная структура оды: поистине, в ней «глаголы временят» (как у Данте в десятой песни «Ада», по выражению Мандельштама из «Разговора о Данте»). В трех первых строфах безраздельно господствует имперфект. Все глаголы имеют форму прошедшего времени несовершенного вида: 1) *угасалъ, слышалъ, явля-*

лась, не трогалась; 2) *шептались, омрачались, вздыхали, молили, сулили* (четыре из пяти глаголов попадают на клаузулу); 3) *блѣднѣлъ, трясса, пятналъ, мнилъ*. Четвертая строфа начинается повтором глагола *мнилъ*, подчеркивающим преждевременность расчетов наследника (Лотман 1996: 162); затем следует внутренний монолог наследника, построенный на глаголах будущего времени: *не стану, буду, не буду, забуду* (только о содержимом подвалов и о честности в двух смежных строках на границе катренов сказано в презенсе — *есть* в одном случае и нулевая связка в другом). Характерно, что желанное будущее рисуется апофатически, через отрицание убогого настоящего⁴¹. В 4-й строфе на смену имперфективному претериту, господствовавшему в первых трех строфах, приходит воображаемый футурум; в 5-й строфе он перебивается однократным перфектом (*воскресѣ*), за которым следует презенс; при этом четыре из пяти глаголов настоящего времени опять попадают на клаузулу: *ликують, цѣлуютъ, бодрится, клонитъ, гонитъ* (таким образом, 5-я строфа противопоставлена 2-й не только тематически, но и грамматически). Заключительная строфа начинается резюмирующим перфектом (*Такъ жизнь тебѣ возвращена*), за которым разворачивается серия императивов, направляющая стихотворение в будущее: *смотри, умѣй, укрась, введи*. Ода завершается предсказанием — заключительный футурум повествователя перечеркивает ирреальный футурум мечтаний наследника:

Пора! Введи въ свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

С последними строками рассказ возвращается в сферу «античного» и одновременно напоминает о своей обращенности к реальному адресату оды — современнику Пушкина.

Здесь уместно отступление о реальном будущем Шереметева. Граф Дмитрий Николаевич последовал советам поэта: через три года после «лукулловской» истории он женился на своей дальней родственнице А. С. Шереметевой, несравненной «красавице» и меломанке (сам Шереметев тоже был меломаном); при этом в связи с женитьбой он необычайно «украсил» свою жизнь, вложив огромные средства в благоустройство и совершенствование того самого дома на Фонтанке, на который некогда зарился, накладывая печати, его сановный родственник (Станюкович 1923: 23; 1927: 14). Граф знал оду Пушкина наизусть, хотя и отмечал ее неполное соответствие правде.

Бурлескное «столкновение двух стилей» (Томашевский 1956: 178) обеспечивает стихотворению ту «семантическую двупланность», о которой писал Ю. Н. Тынянов: «⟨...⟩ безусловно выдержанная в стиле

„подражания латинскому“ ода „На выздоровление Лукулла“ (...) является пасквилем на гр. С. С. Уварова. („Пасквиль“ в 20-х — 30-х годах был совершенно законным жанром, имевшим такого славного представителя, как сатира „На Временщика“ Рылеева. Ср. „Опыт Науки изящного“, Галича, 1825 г., где сатира делится на сатиру личную (пасквиль), частную и общую). Но не следует думать, что нужно просто подставлять предметных героев в стихотворения; предметный герой сосуществует со своим стиховым двойником. Вся суть в колебании этих двух планов» (Томашевский, Тынянов 1929: 193; ср. Тынянов 1936: 60—61). Аналогичный прием мы обнаруживаем в пушкинском «Памятнике», где говорящий поэт — это и переводимый Гораций, и подражающий ему Пушкин, а *Александрійский столп* — одновременно Александрійский маяк и Александровская колонна.

* *
* *

В одной из заметок, входящих в «Опровержения на критики», Пушкин писал, имея в виду упреки в мнимой неблагопристойности: «Граф Нулин наделал мне больших хлопот» (11: 155). Однако никакое из опубликованных при жизни поэта произведений не принесло ему столько хлопот и тягот, как ода «На выздоровление Лукулла»; можно сказать, что она послужила одним из звеньев цепи, повлекшей поэта к гибели; по словам Вл. Соловьева, она «создала скрытую причину враждебнаго дѣйствія, приведшаго поэта къ окончательной катастрофѣ» (Соловьев 1897: 149).

Для самогó Пушкина, для его житейского спокойствия было бы лучше, чтобы «Лукулл» неопубликованным остался в его рабочей тетради. Соловьев писал: «Если ради внѣшней красоты стиховъ „На выздоровленіе Лукулла“ можно извинить ихъ написаніе и сообщеніе близкимъ друзьямъ, то обнародованіе ихъ чрезъ напечатаніе въ журналѣ не имѣетъ никакого оправданія» (1897: 149—150). До напечатанія стихотворения Пушкин не сообщал о нём близким друзьям. Если бы в двадцатых числах ноября 1835 г. поэт не принял решение дописать его и тайком послать для публикации в Москву, мы могли бы не увидеть его в окончательном беловом виде: оно могло бы так и остаться в виде сырого черновика, набросанного между 3 и 19 ноября, без «латинского» названия, с менее выраженным античным колоритом, с едва намеченной второй строфой и без последней шестой.

В упомянутой статье Вл. Соловьев укорял поэта за публикацию «Лукулла»: «стихотвореніе (...) очень яркое и сильное по формѣ, но по

смыслу представлявшее лишь грубое личное злословие насчет тогдашнего министра народного просвещения, Уварова» (Соловьев 1897: 149). Мы позволим себе не согласиться с этим отзывом знаменитого философа. Нам не жалко Уварова, человека, несомненно, незаурядного, одного из образованнейших людей того времени, который, опять-таки по словам Соловьева, «изо всѣхъ министровъ народнаго просвѣщенія (...) былъ, безъ сомнѣнія, самый просвѣщенный и даровитый» (1897: 149) и который сделал на этой ниве немало полезного⁴², — но всё это наряду с тем злом и вредом, который он причинил русской культуре вообще и Пушкину в частности. Нам больно за великого поэта, столь жестоко поплатившегося за обнародование своего сатирического шедевра⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При дальнейших ссылках на это издание (Пушкин 1937—1949) указываются только номера томов и страниц.

² Ср., например: «Mais l'esprit du duc n'était point là: la fièvre de l'attente brûlait ses artères» = «Но герцог был не в себе: лихорадка ожидания жгла ему вены» [А. Дюма, «Королева Марго» (1845), гл. XLIX].

³ В связи с вопросом об адресате письма см. комментарии к изданию Пушкин 1969: 288.

⁴ Я. А. Гордину работа Пушкина над одой представляется иначе: «Это не был внезапный желчный порыв. Стихотворение сочинялось трудно. Он (Пушкин) упорно возвращался к нему на протяжении трех недель. Он знал, что делал, на что шел. У него было время остыть, обдумать, взвесить. Но все было обдумано и взвешено в пустом михайловском доме (...); «Он закончил „Лукулла“ вскоре после 20 ноября и немедленно стал искать издателя. Он не желал — как это бывало прежде — удовлетвориться рукописным хождением памфлета» (Гордин 1989: 250, 252). Мы считаем более убедительной реконструкцию работы над «Лукуллом», предложенную Н. Н. Петруниной (1974: 340 сл.), которая обстоятельно проанализировала черновик стихотворения в рабочей тетради Пушкина.

⁵ Существующие работы о взаимоотношениях Пушкина и Уварова, в том числе новейшие, не касаются этого вопроса (см. Лернер 1915: 480—484; Лотман 1981: 216—220; Whitaker 1984; Вацуро, Гиллельсон 1986: 192—210; Гордин 1989: 240—254 и др.; Иванов 1999; Виттекер 1999; Муравьева 2002: 174—179).

⁶ О значении слова *соблазн* в языке пушкинской эпохи см. Сорокин 1965: 134—135; Добродомов, Пильщиков 2005.

⁷ *Санктпетербургские Ведомости*, 1835, 12 декабря, № 282, 1131.

⁸ На эти факты наше внимание обратил И. С. Сидоров, который, в частности, привел убедительную аргументацию в пользу отнесения обсуждаемой дневниковой записи А. Я. Булгакова к апрелю 1836 г. (устное сообщение).

⁹ «Благодарнее было бы Уварову себя не узнавать и ограничиться молчанием (...), — заметил в дневнике А. Я. Булгаков (2000: 26). О том же писал Жуков-

ский в черновике письма к Бенкендорфу от февраля — марта 1837 г.: «Но что же эти стихи къ Лукуллу? Злая эпиграмма на лице, даже не пасквиль, ибо здѣсь нѣтъ имени (...) Даже и для того, кто оскорбленъ такою эпиграммою, всего благоразумнѣе не узнавать себя въ ней» (Щеголев 1916: 126). Скорее всего, именно на молчание Уварова и рассчитывал Пушкин, посылая памфлет в печать: мог ли он предполагать, что высокопоставленный сановник столь откровенно «распишется в получении оплеухи» (как выразился Пушкин в эпиграмме на Каченовского 1829 г.)?

¹⁰ Полагаем, что слова Пушкина «объ отказѣ *Наблюдателя*» не что иное, как лукавство поэта, желавшего сделать появление оды в Петербурге полной неожиданностью для литературного и светского круга.

¹¹ 18 января в 1836 г. пришлось на субботу. Лишь недавно было указано на оплошность Никитенко, который ошибочно датировал процитированную запись 17-м января, что повлекло во многих комментариях «смещение в датах на один день» (Летопись 1999: 639 примеч. 401).

¹² РГБ, ф. 231 (М. П. Погодин), р. I, карт. 32, ед. хр. 1, л. 130 об. На неопубликованные дневниковые записи Погодина о «Лукулле» нам любезно указал И. С. Сидоров, поделившийся также предположением касательно источника сведений об адресате пушкинской оды, распространявшихся в московском обществе: скорее всего, свежие столичные новости привез А. Я. Булгаков, который вернулся из Петербурга в Москву в 20-х числах декабря.

¹³ Там же, л. 132 об.

¹⁴ Первым это место прокомментировал Д. Д. Благой: «(...) Тургенев, очевидно, не только имеет ввиду *(sic!)* то, что Уваров был знатоком греческого языка и переводил с него, но и намекает на известный гнусный порок Уварова, который Пушкин около того же времени заклеил в эпиграмме на Дондукова-Корсакова (...)» (ЛН 1952: 22).

¹⁵ В ответ на вопрос об адресате оды: «На кого вы целите в сочинении сем?» — в этом разговоре прозвучала блистательная реплика «На вас», которая, по свидетельству А. Я. Булгакова (2000: 26), вызвала — к чести Бенкендорфа — вполне адекватный ответный смех (ср. Вадуро, Гиллельсон 1986: 207; а также Смирнов-Сокольский 1962: 614—615). У Бенкендорфа с Уваровым были свои счеты...

¹⁶ В письме А. И. Тургеневу от 8—11 февраля 1836 г. Вяземский отмечал: «Вотъ смѣна здѣшнихъ разговоровъ: стихи „На выздоровленіе Лукулла“; поглотилъ ихъ пожаръ Лемана (...)» (ОА: 296). Пожар в масленичном балагане Лемана, повлекший большие человеческие жертвы, случился 2 февраля (Никитенко 1955: 180—181; Петрунина 1974: 355).

¹⁷ Н. В. Измайлов, подготовивший текст «Лукулла» для большого академического издания, усматривает в последнем стихе описку и предлагает читать его так: *Косою блещущую (лапу)* (3, кн. 2: 1015); в транскрипции С. М. Бонди (1974: 392) чтение *руку* вообще не зафиксировано. Вполне возможно, однако, что Пушкин передал стих, намереваясь вслед за тем изменить рифму, но в конце концов зачеркнул весь катрен.

¹⁸ Рифма *простерть* : *смерть* есть у Ломоносова в оде 1759 г.: *Позволь мне духа взор простерть // На брань и сродство милосердо, // Где кротости жилище твердо, // Жалка и сопостатов смерть*. Ср. *смерть* : *стерть* у Капниста

в «Оде на воспоминание Плениринной кончины» (1794): *Томит меня Пленеры смерть. // Но ни летяще быстро время, // Ни злочлочений новых бремя // Не могут лютой скорби стереть.* Та же рифма встречается у Капниста в стихотворении «Осень» (1806) и в переводе из Горация (Сарм. III, 24): *⟨...⟩ И не можешь ускользнуть // От крепкой петли, что сурова, // Ничем не умолима смерть // В летящий миг уже готова // Над головой твоей простерть* («Против корыстолюбия», 1814).

¹⁹ Ср. также у Державина в стихотворении «Фонарь» (1803—1804): *⟨...⟩ Но блещет смерть над ним косою... — и в оде «На выздоровление Мецената» (1781): ⟨...⟩ Коса смертельна над тобой, // Рассекиши мрак густой, сверкала ⟨...⟩*

²⁰ Кстати, в черновике Лукулла тоже есть слово челядь: [Ликуетъ челядь] — [городъ весь] (ПД, л. 43 об.). Ср. также упоминание сеней и передней в «Лукулле» и «Вельможе».

²¹ Отметим, что *заимодавцев жадный полк* в первой главе «Евгения Онегина» (строфа LI) явным образом восходит к Державину (это наблюдение нам в литературе не встречалось).

²² Ср.: *Еще вельможа возвышаться, // Еще сильнее хочет быть; // Богач богатством осыпаться, // И горы злата накопить ⟨...⟩* («На новый год», 1781). Между прочим, в этой же строфе державинского стихотворения упоминается *Лукулл*.

²³ Ср. к этому Hor. Serm. II, 5, 21—22: *⟨...⟩ unde // Divitias aerisque tuam, dic, augur, acervos = ⟨...⟩ Где я мог бы // Золота кучу достать, где богатство, скажи, прорицатель?* (перевод М. Дмитриева; буквально: *⟨...⟩ откуда // Богатство и денег (= меди) груды я мог бы достать, скажи, прорицатель?*).

²⁴ Ср.: «У ворот покойницы уже стояла полиция, и расхаживали купцы, как вороны, почуя мертвое тело» (8, кн. 1: 92).

²⁵ Ср.: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-все только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной» (8, кн. 1: 353).

²⁶ Ср.: *⟨...⟩ А в стороне торчит глаголь, // И на глаголе том два тела // Висят. Закаркав, отлетела // Ватага черная ворон ⟨...⟩ Пустынный ветер их качал, // Клевать их ворон прилетал* (3, кн. 1: 437). В последнем фрагменте перефразирован пассаж из романа Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Саргоссе»: «Вблизи картина оказалась еще более тягостной: ветер раскачивал отвратительные трупы, которые производили необыкновенные движения, а тем временем страшные вороны терзали их, стремясь вырвать из них куски мяса» [цитируем по статье В. Г. Чернобаева (1939: 413)].

²⁷ Похожее место есть в «Полтаве»: *Тогда ступай ⟨...⟩ Мое наследие считать // Окровавленными перстами, // Мои подвалы разрывать ⟨...⟩* (5: 42).

²⁸ Образец такого словоупотребления дал Вяземский в стихотворении «Катай-валяй» (опубликовано в 1828 г.): *Заимодавец-время жадно // Бежит с расчетом по пятам!*

²⁹ В приводимой ниже цитате из «Гробовщика» выделены те фрагменты, которые находят соответствия в тексте сатиры Пушкина или в ее житейском фоне: «По-

койница лежала на столе, желтая как воск, но еще не обезображенная тлением. Около ее теснились родственники, соседи и домашние. Все окна были открыты; свечи горели; священники читали молитвы. Адриан подошел к племяннику Трюхиной, молодому купчику в модном сертуке, объявляя ему, что гроб, свечи, покров и другие похоронные принадлежности тотчас будут ему доставлены во всей исправности. Наследник благодарил его рассеянно, сказав, что о цене он не торгуется, а во всем полагается на его совесть. Гробовщик, по обыкновению своему, побожился, что лишнего не возьмет; значительным взглядом обменялся с приказчиком, и поехал хлопотать» (8, кн. 1: 92—93). То обстоятельство, что наследник Трюхиной не являлся ее прямым родственником, соотносится с дальним родством Уварова и адресата оды.

³⁰ Есть и другие, более отдаленные параллели между «Лицинием» и «Лукуллом»: так, *нахлебникам* и *цирцеям* («Лукулл») в «Лицинии» соответствуют *льстецы* и *прелестницы*. Заметим, что в черновике «Лукулла» тоже имеется «прелестница»: *Глаза [прелестницы твоей] // — [грустью омрачались]* — (ПД, л. 43).

³¹ Ср. также оборот *судьбою тайной* в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный...» (1828).

³² Это единственное у Пушкина употребление слова *нахлебник*, которое «Словарь языка Пушкина» толкует в сугубо русском ключе: «*Приживальщик, живущий на хлебах у барина, помещика*» (СП, II: 745). И действительно, таковых у Шереметева было очень много (недаром ходило выражение *жить на шереметевский счет*). Однако в данном контексте слово *нахлебник* может быть понято и в значении греко-латинского *παράσιτος / parasitus*.

³³ Ср.: «**ПЯТНАТЬ** ⟨...⟩ *Пачкать пятнами, оставлять грязные пятна* ⟨...⟩ *Перен. Уже скупой его сургуч Пятнал замки твоей конторы*» (СП, III: 901).

³⁴ Ср. пушкинский пересказ оды по-французски в письме Бенкендорфу: «(Un héritier) fait déjà mettre les scelets sur les effets qu'il convoite» = «(Наследник) приказывает уже наложить печати на имущество, которого он жаждет» (16: 78, 378; Пушкин 1969: 119—120).

³⁵ Ср. *пятнать* 'позорить' (СП, III: 902) в стихотворении 1829 г.: *Как сатирой безымянной // Лик зоила я пятнал* ⟨...⟩ (3, кн. 1: 167). В послании «К моей чернильнице» (1821) глагол *клеить* 'ставить клеймо; позорить' управляет существительным *пятно* (ср. СП, II: 325): ⟨...⟩ *Я весело клеймил // Зоила и невежду // Пятном твоих чернил*... (2, кн. 1: 183).

³⁶ Ранее было не так. В «Словаре русского языка XVIII века» для обоих значений глагола *знобить* иллюстративный материал показывает только небезличное употребление, е. г.: «⟨...⟩ селитра и нашатырь сильнѣе знобит воду нежели простая соль» (Ломоносов); «Знобит лихорадка» [СЛРЯ XVIII, вып. 8: 218; последний пример дан со ссылкой на «Словарь Академии Российской» (САР, ч. III: стб. 108—109)].

³⁷ Он, впрочем, встречается в пушкинской записи народной песни «Уже вечер на дворе вечерется...» (также в редкой форме — в императиве): *Государыня, родимая матушка! <...> Не зноби меня горюшу молодѣшеньку! // Я и так молодѣшенька назяблася* (РП: 428).

³⁸ Обе дефиниции, процитированные по шестому изданию «Dictionnaire de l'Académie française», восходят к первому изданию Словаря (DAF₁: 473).

³⁹ В феврале 1835 г. Пушкин записал в дневнике: «Къ стати объ Уваровъ: Это большой негодяй и шарлатанъ. Развратъ его извѣстенъ. Низость до того доходить, что онъ у дѣтей Канкринна былъ на посылкахъ. Объ немъ сказали, что онъ началъ тѣмъ что былъ б..., потомъ нянькой, и попалъ въ През[иденты] Ак[адемии] Наукъ какъ Кн[ягиня] Дашкова, въ през[иденты] Р[оссійской] Ак[адемии]. — Онъ кралъ казенныя дрова и до сихъ поръ на немъ есть счеты — (у него 11,000 душъ), казенныхъ слесарей употреблялъ въ собственную работу etc. etc.» (Дневник: 26). У П. И. Бартенева есть запись: «Вигель сказывает, что на казенные дрова указал Пушкину он» (Бартенев 1936: 534).

⁴⁰ В отличие от XVIII века, когда, судя по лексикографическим данным (СлРЯ XVIII, вып. 7: 169), такое употребление случалось не только в поэтическом стиле, но и в просторечии (при выражении угрозы): «Восторг внезапный ум плѣнил, Ведет на веръхъ горы высокой, Гдѣ вѣтр в лѣсах шумѣть забыл» (Ломоносов); «Забудет он у меня сватать за тебя Анноту» (Плавильщиков).

⁴¹ Что, впрочем, не соответствовало действительности: Уваров был весьма богат.

⁴² Это показано в единственной монографии, посвященной Уварову (см. Whittaker 1984; русский перевод см. Виттекер 1999).

⁴³ Мы признательны М. Л. Гаспарову и И. С. Сидорову за ценные консультации по теме настоящей работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барсуков, Н. П.: 1888, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, С.-Петербург, кн. IV.
- Бартенев, П. И.: 1936, 'Из пушкинианы П. И. Бартенева: [I. Тетрадь 1850-х годов; II. Из воспоминаний И. П. Липранди о Пушкине; III. Записная книжка]', Публикация и комментарии М. Цявловского, *Пушкин*, Редакция М. Цявловского, Москва, 489—562 (= *Летописи Государственного Литературного Музея*; кн. I).
- Бонди, С. М.: 1974, 'Из «последней» тетради Пушкина', *Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика*, Ленинград, 377—397.
- Булгаков, А. Я.: 2000, '«У тебя целый Сан-Франциско в твоём архиве...»: (из «Современных записок и воспоминаний...») А. Я. Булгакова. Записи 1836—1859 гг.', Публикация С. В. Шумихина, *Встречи с прошлым*, Москва, вып. 9, 17—112.
- Вацуро В. Э., М. И. Гиллельсон: 1986, *Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры*, Издание 2-е, дополненное, Москва.
- Виноградов, В. В.: 1941, *Стиль Пушкина*, Москва.
- Виттекер, Ц. Х.: 1999, *Граф С. С. Уваров и его время*, Перевод с английского Н. Л. Лужецкой, С.-Петербург (= *Современная западная русистика*; Т. 22).
- Гораций, 1970: Квинт Гораций Флакк, *Оды. Эподы. Сатиры. Послания*, Редакция, перевод, вступительная статья и комментарии М. Гаспарова, Москва.

- Гордин, Я.: 1989, *Право на поединок: Роман в документах и рассуждениях*, Ленинград.
- Григорьева, А. Д.: 1969, 'Поэтическая фразеология Пушкина', *Поэтическая фразеология Пушкина*, Москва, 5—292.
- Гуковский, Г. А.: 1957, *Пушкин и проблемы реалистического стиля*, Москва.
- Деларю, Ф. М.: 1880, 'Д. М. <sic!> Деларю и А. С. Пушкин', *Русская Старина*, т. XXIX, кн. IX, 217—220.
- Дневник — *Дневник Пушкина. 1833—1835*, Под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева, Москва — Петроград 1923.
- Добродомов, И. Г., И. А. Пильщиков: 2005, 'О судьбе семантических галлицизмов в пушкинскую эпоху (*соблазн — scandale*)' (в печати).
- ДТО — *Дела III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине*, Предисловие С. Сухонина, С.-Петербург 1906.
- Иванов, О. А.: 1999, 'К вопросу о взаимоотношениях С. С. Уварова и А. С. Пушкина в 30-е гг. XIX века', *Новик*, Воронеж, вып. 2, 45—55.
- Кнабе, Г. С.: 2004, 'Ювенал', *Пушкин: Исследования и материалы*, С.-Петербург, т. XVIII/XIX, 394—396.
- Лернер, Н.: 1915, 'Примечания', Пушкин, [*Собрание сочинений*], Под редакцией С. А. Венгерова, Петроград, т. VI, 406—500.
- Летопись 1999 — *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*, Составители М. А. Цявловский (1799 — сент<ябрь> 1826), Н. А. Тархова (сент<ябрь> 1826 — 1837), Научный редактор Я. Л. Левкович, Москва 1999, т. 4: 1833—1837.
- ЛН 1934 — 'Пушкин по документам архива М. П. Погодина', [Публикация М. А. Цявловского при участии К. П. Богаевской], *Литературное наследство*, Москва 1934, № 16/18, 679—724.
- ЛН 1952 — 'Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837)', Вступительная статья Д. Благого, *Литературное наследство*, Москва 1952, т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь, 3—154.
- Лобанова, А. С.: 1995, '«Ворон к ворону летит»: Русский источник «Шотландской песни» Пушкина', *Временник Пушкинской комиссии*, С.-Петербург, вып. 26, 111—120.
- Лотман, Ю. М.: 1981, *Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя*, Ленинград.
- Лотман, Л. М.: 1996, 'Историко-литературный комментарий', А. С. Пушкин, *Борис Годунов: Трагедия*, С.-Петербург, 129—359.
- Муравьева, О.: 2002, 'Политика сквозь призму поэзии', *Россия XXI*, № 1, 162—179.
- Никитенко, А. В.: 1955, *Дневник*, Подготовка текста, вступительная статья и примечания И. Я. Айзенштока, Ленинград, т. I: 1826—1857.
- Никольский, В. В.: 1880, 'Жобар и Пушкин', *Русская Старина*, т. XXVIII, кн. VII, 555—564.
- ОА — *Остафьевский архив князей Вяземских*, Под редакцией и с примечаниями В. И. Сайтова, С.-Петербург 1899/1908, т. III: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым: 1824—1836.

- ПВПК — *Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов*, Под редакцией Н. В. Измайлова, Москва — Ленинград, 1960.
- ПД — Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Рукописный отдел (С.-Петербург), ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1, № 846.
- Перцов, Н. В.: 2000, 'О неоднозначности в поэтическом языке', *Вопросы языкознания*, 2000, № 3, 55—82.
- Петрунина, Н. Н.: 1974, '«На выздоровление Лукулла»', *Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика*, Ленинград, 323—361.
- Пильщиков, И. А.: 2004, 'Ювенал', *Онегинская энциклопедия*, Москва, т. II: Л — Я; А — Z, 759—761.
- Погодин, М. П.: 1914—1916, М. Цявловский, 'Пушкин по документам Погодинского архива. I. Дневники М. П. Погодина', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Петроград 1914, [т. V], вып. XIX/XX, 63—94; 1916, [т. VI], вып. XXIII/XXIV, 101—122.
- Пумпянский, Л. В.: 1939, '«Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 4/5, 91—124.
- Пушкин, А.: 1835, 'На выздоровление Лукулла: Подражание латинскому', *Московский Наблюдатель*, ч. IV, кн. II, 191—193.
- Пушкин: 1937—1949, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], т. 1—16.
- Пушкин: 1969, *Письма последних лет. 1834—1837*, Ответственный редактор Н. В. Измайлов, Ленинград.
- РГБ — Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (Москва).
- Рейф, Ф. И.: 1835, *Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка*, С.-Петербург, т. I: А — О.
- РП — *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты*, Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский и Т. Г. Зенгер, Москва — Ленинград 1935.
- Садовников, Д.: 1883, 'Отзывы современников о Пушкине: (К матерьялам его биографии)', *Исторический Вестник*, т. XIV, № 12, 520—542.
- САР₁ — *Словарь Академии Российской*, С.-Петербург 1792, ч. III; 1793, ч. IV.
- САР₂ — *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, С.-Петербург 1822. Ч. V: от П до С.
- СЛРЯ XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII вв.*, Москва 1995, вып. 21: (Прочный — Раскидати).
- СЛРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*, С.-Петербург 1992, вып. 7; 1995, вып. 8.
- Смирнов-Сокольский, Н.: 1962, *Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина...*, Москва.
- Соболевский, С. А.: 1927, 'Соболевский о Пушкине: (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым)', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Ленинград, [т. VIII], вып. XXXI/XXXII, 35—48.

- Соловьев, В.: 1897, 'Судьба Пушкина', *Вестник Европы*, т. V (CLXXXVII), № 9, 131—156.
- Сорокин, Ю. С.: 1965, *Развитие словарного состава русского литературного языка: 30—90^е годы XIX века*, Ленинград.
- СП — *Словарь языка Пушкина: В 4 т.*, Москва 1956—1961.
- Станюкович, В. К.: 1923, *Фонтанный дом Шереметевых: Путеводитель*, Петербург.
- Станюкович, В.: 1927, *Бюджет Шереметевых (1798—1810)*, Москва.
- Степанов, Л. А.: 1978, 'Пушкин, Гораций, Ювенал', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. VIII, 70—89.
- Терпигорев, Н. Н.: 1890, 'Рассказы из прошлого', *Исторический Вестник*, т. XLI, № 8, 334—342. Подпись: Н. Н. Т.
- Томашевский, Б. В.: 1956, 'Вопросы языка в творчестве Пушкина', *Пушкин: Исследования и материалы*, Москва — Ленинград, т. I, 126—184.
- Томашевский, Б. В.: 1958, 'Строфика Пушкина', *Пушкин: Исследования и материалы*, Москва — Ленинград, т. II, 49—184.
- Томашевский, Б. В., Ю. Н. Тынянов: 1929, 'Пушкин', *Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат*, 7-е издание, Москва, т. 34: Пуанкаре — Рабочий класс, стб. 156—218.
- Тынянов, Ю. Н.: 1936, 'О «Путешествии в Арзрум»', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 2, 57—73.
- Чернобаев, В. Г.: 1939, 'К истории наброска «Альфонс садится на коня»', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 4/5, 405—416.
- Шапир, М. И.: 1999, '«...Хоть поздно, а вступленье есть»: («Евгений Онегин» и поэтика бурлеска)', *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 58, № 3, 31—35.
- Шапир, М. И.: 2000, *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков*, Москва, кн. 1 (= *Philologica russica et speculativa*; Т. I).
- Шапир, М. И.: 2002, 'Барков и Державин: Из истории русского бурлеска' А. С. Пушкин, *Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы*, Москва, 397—457 (= *Philologica russica et speculativa*; Т. II).
- Щеголев, П. Е.: 1916, 'Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Петроград, [т. VII], вып. XXV/XXVII, I—XXI, 01—0170, 1—376.
- Якубович, Д. П.: 1941, 'Античность в творчестве Пушкина', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 6, 92—159.
- Busch, W.: 1964, *Horaz in Rußland: Studien und Materialien*, München (= *Forum Slavicum*; Bd. 2).
- DAF₁ — *Le Dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy*, Paris 1694, t. II: M — Z.
- DAF₄ — *Dictionnaire de l'Académie française*, 4e édition, Paris 1762, t. I: A — K.
- DAF₆ — *Dictionnaire de l'Académie française*, 6e édition, publiée en 1835, Paris 1835, t. I—II.
- Whittaker, C. H.: 1984, *The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786—1855*, DeKalb, Illinois.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первопечатный текст стихотворения Пушкина «На выздоровление Лукулла»
 («Московский Наблюдатель», 1835, ч. IV, сентябрь, кн. II, 191—193)

В текст стихотворения нами введена одна запятая в угловых скобках — в 7-й строке второй строфы; остальное оставлено в неприкосновенности. В частности, сохранена непоследовательность в написании словоформ с конечным шипящим: *богачъ* и *плачъ* даны с конечным ером, а *сургучь*, *кучь* и *врачь* — с ерем; в случае двух вхождений частицы *ужь* мы видим на конце ерь, как и в другой частице — *тожь*, рифмующейся с *Вельможъ*, что приводит к нарушению «глазной» рифмы. (Заметим, что в поглавном издании первой главы «Евгения Онегина» на конце частицы *ужь* печатается ъ, а в последующих главах и в отдельных изданиях романа — ъ.) Эти колебания отражают орфографическую реальность того времени в отношении словоформ на шипящие (они не касаются существительных женского рода, где всегда был ерь, как и сейчас). Скажем, в издании «Евгения Онегина» 1833 г. оба вхождения словоформы *плачъ* имеют на конце ер; в одном из этих случаев с ней рифмуется словоформа *клячъ* (при том, что в первом издании романа в этих формах мы видим ерь), но зато из трех вхождений словоформы *лучь* / *лучъ* мы наблюдаем два еревых и одно еровое; словоформа *шалашъ* написана с ерем (в первом издании — с ером), а *нашъ* везде с ером; *ножь* с ером, а *ежь* с ерем (в первом издании с ером). Данная орфограмма ставит перед текстологом частную проблему: как же всё-таки нужно представлять подобные расхождения в академических изданиях, приближенных к исходным текстам? Следует ли их унифицировать или же сохранять подобную орфографическую непоследовательность? По всей видимости, для начала необходимо выяснить, какую орфограмму предпочитал Пушкин в этот период своей жизни, и если окажется, что и та, и другая были ему свойственны, разноречивый источник придется сохранить. Заметим, что в черновике словоформы на ч — *плачь* (ПД, л. 42 об.), *сургучь*, *кучь* (л. 43) — даны с ерем, а словоформы на ж — *ужь* (на всех трех страницах), *жь* (43 об.) и *вельможъ* (л. 43 об.) — с ером.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА.

ПОДРАЖАНИЕ ЛАТИНСКОМУ.

Ты угасаль, богачъ молодой!
 Ты слышалъ плачь друзей печальныхъ.
 Ужь смерть являлась за тобой
 Въ дверяхъ съней твоихъ хрустальныхъ.
 Она, какъ втершійся съ утра
 Занмодавецъ терпѣливой,
 Торча въ передней молчаливой,
 Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
 Врачи угрюмые шептались.

Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ(,) что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и тряся надъ тобой
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы;
И мнилъ загрестъ онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: «теперь ужь у Вельможъ
«Не стану нянчить ребятишекъ;
«Я самъ Вельможа буду тожь;
«Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
«Теперь мнѣ честность — тринь-трава!
«Жену общитывать не буду,
«И воровать уже забуду
«Казенныя дрова!»

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она;
Умѣй-же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ,
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

А. ПУШКИНЪ.